

Абрам Клецкин

Рига, Латвия

## МАРТИН БУБЕР, ЭММАНЮЭЛЬ ЛЕВИНАС И 11 СЕНТЯБРЯ

Традиционно на наших конференциях, как уже зафиксировано в их названии, мы говорим о евреях в меняющемся мире. Ударение можно ставить на любом из трех самостоятельных слов. Для меня в настоящее время главным представляется слово «меняющийся». Дело в том, что в течение тысячелетий всегда происходило много событий, но сам мир за одну человеческую жизнь менялся относительно мало. Однако в последние десятилетия и особенно в 90-е гг. теперь уже прошлого века темп и характер перемен приняли такие масштабы, что их уже почти невозможно не то что осмыслить, но даже зафиксировать. А после 11 сентября стало очевидно, что этим изменениям присущ очень серьезный апокалиптический аспект.

До сих пор связь времен воспринималась по формуле: не с нас все началось, не с нами и кончится. Как писал латышский поэт Имантс Аузиньш: «Не мы эту песню начали, не нам ее заканчивать». Сейчас вторая часть формулы уже не кажется убедительной. Может быть, именно на нас все и закончится...

11 сентября, вроде бы, должно было заставить всех задуматься над тем, как такое могло произойти и, самое главное, — почему? Но мы опять в очередной раз сталкиваемся с тем, что вместо того, чтобы вслушаться, по ком звонит колокол, занимаемся поисками не причин происшедшего, во всяком случае — не столько причин, сколько виноватых. Ну, хорошо, найдем мы этого Ладена. Может быть, даже окажется, что он действительно все это организовал. Ну, убьем его и еще кучу самоубийц. Что, на этом все кончится? Что, терроризм изобрел Бен-Ладен? И все это происходит только потому, что в исламском мире или каких-то его частях кто-то обезумел или сорвался с цепи?

Ведь совершенно очевидно, что за 11 сентября стоят огромные и серьезнейшие проблемы нашего собственного мира, и если мы не займемся их решением, то это кончится всеобщей трагедией. Потому что человечество, прежде всего западная цивилизация, к сожалению, достигло того уровня могущества, когда уничтожить этот мир гораздо проще, чем его обустроить.

И вот тут на первый план выдвигаются фигуры Бубера<sup>1</sup> и Левинаса<sup>2</sup>. Я специально обратился не непосредственно к еврейской традиции, а именно к этим мыслителям. На конференции уже прозвучало очень интересное определение части западных философов еврейского происхождения: европейский философ еврейского происхождения. Это, несомненно, можно отнести к моим персонажам: Мартин Бубер, например, безусловно немецкий философ, но еврейский мыслитель. Точно также Эмманюэль Левинас — французский философ, но еврейский мыслитель. Я сознательно обратился к людям, которые, будучи европейски образованными, все же выросли и жили в еврейской традиции, которые не просто по происхождению, а по всей своей сущности были частью еврейского мира. И они привносили в европейскую философию, которую прекрасно знали и частью которой были, органически им присущую еврейскую культурную традицию.

Почему я обратился именно к ним? Собственно, на это уже указали те, кто на нашей конференции говорил о диалогизме в философии Бубера и об ответственности за Другого в философии Левинаса. Я думаю, во-первых, что обе эти вполне самостоятельные философские концепции вырастают из еврейской традиции, проходящей через всю еврейскую историю — от мудрецов \*Талмуда и рассказов \*Агады до притч \*хасидских \*цадикиков — и так вплоть до наших дней. А во-вторых, сегодня особое значение имеет то, что эта столь существенная для еврейского самосознания традиция основывается на необходимости понимания другого, необходимости диалога с другим, кем бы он ни был.

Почему это так важно? Потому что мы должны осознать, что, когда речь идет о террористах-самоубийцах, мы имеем дело не с преступниками в обычно принятом смысле этого слова. Конечно, нет никаких сомнений в абсолютной преступности их поведения, как и в том, что оно должно быть наказано. Но если мы говорим об исполнителях, то наказать их невозможно уже потому, что они самоубийцы, люди, по каким-то причинам решившие, что стоит положить свою жизнь на то, чтобы что-то, для них неприемлемое, уничтожить. Для них не существует наказания. Их нельзя остановить. И проблема, по сути, не в том, чтобы ликвидировать конкретных террористов, потому что современная жизнь, как мы все больше убеждаемся, рождает террористов постоянно.

Это не новая традиция. Мы можем вспомнить народовольцев, людей лично, безусловно, исходивших из самых высоких побуждений. Но нет никакой необходимости уходить в XIX столетие. Мне, например, довелось быть лично знакомым с Урсулой Майнхоф, лидером *“Rote Armee Fraktion”* — западногерманских террористов 70-х гг., когда она еще не стала террористкой, а была блестящей журналисткой, обаятельной женщиной, любящей матерью двоих детей, с которыми впоследствии прервала всякие контакты, очень устремленной в будущее и преданной высоким идеалам. Ее путь к терроризму — это ведь трагедия нашей эпохи, а не только отдельного, сбившегося с пути индивида. И мы должны понять, как это могло случиться и как можно этого не допустить. От того, что США с нашего общего согласия уничтожат последние остатки живого на несчастной афганской земле, ничего ведь, по сути, не изменится. Во всяком случае, терроризм от этого не исчезнет.

Мы должны понять, что стоит за этим пугающим явлением. Ведь с ним параллельно сейчас в мире развивается антиглобализм, который опять-таки несет в себе все то, из чего вырастают террористы. И непременно вырастут, если не осознать то, что происходит. А происходит следующее: с одной стороны, осуществляется попытка силой вести весь мир в рай, но, с другой стороны, в рай силой вести нельзя. Любое насилие на этом пути превращает — при самых лучших побуждениях — рай в ад. Западная цивилизация и западная культура, к которым мы принадлежим, в XX в., особенно после Второй мировой войны, взяла на себя неподъемную ношу — указать всему миру, как ему должно жить. Показать, что для всего человечества есть одна-единственная «правильная» модель существования, которой всем без исключения надо придерживаться, и она уже найдена, и она — западная.

Но ведь для этого, к сожалению, нет никаких веских оснований. Давайте подумаем: ну чем выше наша западная цивилизация, скажем, китайской, которая живет уже чуть ли не пять тысяч лет на одном месте и обеспечила китайскому народу такую продолжительную и, в целом, благоприятную жизнь, что он стал самым большим народом в мире (чуть ли не каждый четвертый в мире сейчас — китаец)? А что обеспечили мы, если отбросить самомнение? Возможность уничтожить челове-

ство — это наше. Все существующие для этого способы — от экологической катастрофы до ядерной зимы — продукты нашей цивилизации. Да и террористы уничтожают нас нами же придуманным оружием. Что мы еще дали миру? То, что стали мерить жизнь, ценность жизни деньгами или материальным благополучием? Это достижение действительно такое великое и бесспорное?

Конечно же, дело не в том, чтобы осудить цивилизацию, в которой мы живем. Я, как, по-видимому, и все в зале конференции, часть западного мира, и он, естественно, всем нам намного ближе того же китайского. Но я полагаю, что нам необходимо увидеть нашу цивилизацию глазами левинасовского Другого, иначе мы ничего не поймем в процессах, охвативших сейчас земной шар. А с точки зрения Другого, мы можем оказаться и часто оказываемся носителями не прогресса, а варварства. Мы для них — носители цивилизации, являющейся главной и, возможно, единственной опасностью для существования духовности и вообще жизни на Земле.

А мы говорим людям, которые не принадлежат к нашей цивилизации (это более 80 % жителей планеты), что это они не умеют жить, другими словами, фактически утверждаем, что люди ислама, вообще люди третьего мира — все глупые и неудачники и лишь мы одни знаем, как надо жить, оскорбляя при этом не только непосредственно этих людей, мы же еще вполне прозрачно намекаем, что и жизнь всех их предков до нас была бессмысленной и глупой. И ждем за это благодарности. И это при том, что реально наша деятельность приводит к тому, что наша одна пятая мира становится все богаче (к нам непосредственно это, правда, пока мало относится, но со временем, глядишь, и нам перепадет), а их четыре пятых мира становятся все более нищими. Так в чем же наше благоденствие этому миру?

Но если мы не сумеем дать ему надежду, — а мы ее у него каждый день отнимаем (в свою историю верить не приходится; в наши ценности — тем более, потому что они приводят к еще большей нищете), — то на что мы можем рассчитывать? Разве не ясно, чего следует ожидать от отчаявшихся людей, если их к тому же снабдить идеологией, утверждающей, что убийство «неверных», жертвуя собой, не просто угодно Аллаху, но и прямоком ведет в рай и дарует вечное блаженство?

Однако создается впечатление, что западный мир об этом всерьез все еще не задумывается и задумываться не хочет. Что прежде всего все кинулись делать? С одной стороны, обратились к контртеррору. Другая, если и не главная, то наиболее частая реакция на события 11 сентября: не пускать террористов в свои страны, ограничить вообще, насколько только возможно, въезд людей из стран третьего мира. Словом, выстроим забор повыше и будем за ним отсиживаться. Подумайте только, в самой, может быть, либеральной стране Европы — Дании победили на выборах люди, которые вышли с лозунгом запрета всякого рода иммиграции. Это что — наше послание, наш «мессидж» остальному миру? И сколь долго мы надеемся таким способом отсидеться? И что тогда останется от провозглашаемых западным миром идеалов свободы и прав человека?

Так что же нам делать? Как мы, наша западная цивилизация, должны поступить в нынешних (в значительной степени нами же созданных или спровоцированных) условиях? Поиски ответа на этот кардинальный вопрос, на мой взгляд, впрямую приводят нас к еврейскому духовному и историческому опыту. В нем, правда, существуют два принципиально разных подхода, которые условно можно свести к спору двух известных мудрецов Талмуда — Гилеля<sup>3</sup> и Шаммая<sup>4</sup>. Разница между ними в полной мере выражена в Агаде, в притче об иноверце, пожелавшем принять иудаизм, если ему смогут объяснить весь смысл учения, пока он стоит на одной ноге.

Шаммай воспринял такое заявление как святотатство и прогнал пришельца палкой. Гилель же сказал ему: «Не делай другому того, чего себе не ж е л а е ш ь. В этом суть \*Торы. Все остальное — толкование. Иди и учись».

Как же традиция разрешает спор мудрецов? На это отвечает другая притча из Агады. Когда споры между мудрецами и их школами зашли в тупик, раздался *Бат-Кол* (Голос Неба): «Устами обоих гласит слово Бога Живого, но поступать следует по толкованиям школы Гилеля». Потому что Гилель проповедовал толерантность и в его школе преподавали также учение Шаммая. Более того, мнение Шаммая излагалось прежде собственного толкования. Следовательно, ученики могли сами делать выводы и учились уважать чужое мнение.

Таким образом, столь важная для философии XX в. идея диалога на равных, исходящего из стремления понять другого, страстно разрабатывавшаяся Бубером (недаром его знаменитая книга «Ты и Я» даже по стилю изложения больше напоминает тексты библейских пророков, чем современных философов), и в концепции Левинаса определяющая вступление в диалог как принятие на себя ответственности за Другого, имеет глубочайшие корни в еврейской традиции на протяжении тысячелетий. Значит, вопрос в том, сумеет ли мы в наши дни, когда различие взглядов не только оборачивается кровью невинных людей (так бывало и раньше), но прямо угрожает существованию человечества, развивать дальше эту традицию, поймем ли мы необходимость, хватит ли у нас мужества идти на диалог, стремиться понять других и принять на себя ответственность за то, чтобы покончить с психологией, исходя из которой существуют только две точки зрения — моя и неверные? Поймем ли мы, что другого пути нет?

Насилие вызывает насилие. Ничего другого оно вызвать не может. Непонимание увеличивает непонимание. И если мы хотим, чтобы у мира было будущее, то мы должны создать мир, в котором каждый имеет право голоса и каждая система ценностей имеет право на существование, если только она не навязывается никому силой.

Это очень трудно. Я хочу только напомнить о том страшном духовном одиночестве, в котором последние годы своей жизни провел Мартин Бубер. Кто теперь не знает, каким он был выдающимся ученым и мыслителем, как много он сделал для мира? И все это — правда. Почему же он оказался таким ненужным, чуть ли не лишним в Израиле, в стране своей мечты? Потому что он считал, что в этой стране араб имеет такое же право на существование, как и еврей, что Израиль должен быть двухобщинным государством, что евреи и арабы должны найти какую-то возможность совместного строительства жизни на этой земле, потому что мы должны уважать, уважая собственное право, и права палестинцев.

Тогда мнения по поводу точки зрения Бубера разделились: одни полагали, что он, наверно, не от мира сего, а другие — что он просто выжил из ума. Если мы среагируем сегодня на подобные мысли точно так же, то будем иметь не только все те тридцать, сорок, пятьдесят лет, которые сопровождают насилие в нашей любимой стране, в стране нашей надежды, но мы будем иметь это же самое насилие и во всем мире.

Мы должны понять, что мы оказались в XX в. гораздо в большей степени подвержены европейской или, точнее, американской традиции мышления, чем своей собственной еврейской традиции. Мы, думается, по-настоящему не искали решения на путях диалога, на путях ответственности за другого. Во всяком случае, делали это недостаточно решительно. Я не знаю, может быть, мы уже опоздали, но мне и сейчас представляется, что в 1967 г., после \*Шестидневной войны, если мы проявили бы настоящую широту и готовность разговаривать, мы бы жили сейчас в дру-

гом Израиле и, возможно, вообще в другом мире. Я специально заостряю все эти вопросы не потому, что у кого-либо могут быть на них готовые ответы. Но я убежден, что эти вопросы должны занимать каждого из нас и мы должны чувствовать ответственность за то, что произошло в мире, и что мы в этом тоже участвуем не только как народ, не только как страны, как политические позиции, но как конкретные люди. Для каждого из нас отдельно и для всех нас вместе людьми, до которых нам есть дело, должны быть все шесть с лишним миллиардов людей, живущих на Земле.

Когда-то давно, в 60-е гг. прошлого века, французский писатель Клод Руа после поездки в Китай сказал фразу, которая врезалась мне в память. Он сказал: счастье будет всеобщим или его не будет совсем. Счастье — понятие субъективное. Но слова Руа можно отнести и к миру: мир будет либо всеобщим, либо его не будет совсем.

## ПРИЛОЖЕНИЕ

### Из ответов автора на вопросы

— *Всегда ли, даже понимая партнера по переговорам, можно с ним согласиться? Может ли быть такая позиция партнера, что я его хорошо понял, а согласиться я с ним не могу?*

— Да, конечно.

— *Вот об этом и речь!*

— Нет, не об этом. Понимание по-настоящему открывает как границы возможного соглашения, так и границы того, где мы на данный момент еще не готовы пойти навстречу друг другу. Но пока разговаривают, искренне пытаются понять другую точку зрения, — не стреляют.

— *Почему вы так решительно выступаете против западной цивилизации?*

— Это не так. Я совсем не являюсь сторонником страстного осуждения западной цивилизации. Она такая, какая она есть. Но если уж мы взяли на себя функцию быть лидерами мира, то мы должны взять на себя и ответственность за то, что из этого получается. Вот и все.

— *Как вы полагаете, если бы не было западной цивилизации, не было бы Израиля, остальной мир был бы счастливее, богаче, благополучнее?*

— Думаю, что богаче, скорее всего, он бы не был, но счастливее был бы точно. Потому что жил бы в соответствии с теми представлениями, которые он сам выработал, с теми ценностями, которые являются его ценностями. Больше ничего. Я не думаю, что кто-то со стороны вообще может принести кому-то счастье. Иногда, не слишком часто, удается поднять благосостояние, но счастье — это нечто совсем другое. У выдающегося польского поэта Юлиана Тувима есть замечательное определение циника: «Циник — это человек, который знает цену всех вещей, но не знает ценности». Ведь все самое главное в человеческой жизни не поддается денежному измерению. Ни жизнь, ни любовь, ни дружбу, ни здоровье, ни детей, ни счастье — ничего нельзя купить. Это просто не продается. Не только нищета, но и богатство тоже не имеют прямого отношения к счастью. По крайней мере, любителей сериалов в этом не надо убеждать. Они и так точно знают: богатые тоже плачут.

— *Не представляется ли вам бесспорным, что теории уважаемых вами философов Бубера и Левинаса не сработали в середине 30-х гг. не только для немецкой общественности, но и для остальной Европы и Соединенных Штатов, включая великих евреев, благополучно живущих в тех странах, и в то же время вы предлагаете эти идеи нашему маленькому Израилю. Какой диалог может быть с теми, кто такого диалога не хочет?*

— Начну с того, что у этого нежелания идти на диалог есть длинная история. И, повторюсь, к сожалению, сегодня, может быть, время для возможного диалога уже вообще упущено, — я не знаю. Я совсем не считаю себя экспертом в этом вопросе и не могу давать советов. Я только хочу сказать, что история этого прекрасного и несчастливого, а исторически столь важного для всего человечества клочка земли показывает образцы и умения договариваться, и абсолютной глухоты. А что касается того, что Бубера и Левинаса не поняли в 30-е гг., то Левинас как мыслитель вообще относится уже к послевоенному времени, и за ним стоит как раз опыт концлагерей, в которых провел годы, — он все знал на собственной шкуре. И если он пришел к необходимости понимания Другого, то он за это заплатил так до-

рого, как не дай Бог кому-либо другому платить. И если он все-таки считает, и это — главный вывод его жизни, — что надо стремиться понимать другого и чувствовать себя за него в ответе, то стоит прислушаться. Человечество никак не приучится прислушиваться к мужественной мудрости своих пророков и философов, а потом платит за это кровью миллионов.

— *Название вашего доклада — «Мартин Бубер, Эмманюэль Левинас и 11 сентября». По-вашему, эти люди говорили бы сегодня то же, что и вы? Это во-первых. А во-вторых, я хочу спросить: кого вы имеете в виду, когда говорите «мы»? Вы все время обвиняли кого-то, говоря «мы». Так кто эти «мы»? Это вы? И кто еще?*

— Что касается первого вопроса, речь, естественно, идет о моем восприятии этих людей. Я не медиум и не могу говорить от их имени. Это моя интерпретация, а у вас она может быть другой. О втором вопросе. Для меня «мы» — это все те, кто так или иначе живет и мыслит в соответствии с ценностями цивилизации, к которой мы принадлежим — независимо от того, хотим мы этого или нет, понимаем мы это или нет. И здесь нет никакой индульгенции ни для кого: мы — часть этого мира, этой цивилизации и несем свою часть ответственности за нее.

## ПРИМЕЧАНИЯ

<sup>1</sup> См. прим. 5 на с. 32.

<sup>2</sup> См. прим. 6 на с. 62.

<sup>3</sup> Гилель — великий иудейский законоучитель времен царя Ирода (I в. до н. э.). — *Ред.*

<sup>4</sup> Шаммай — выдающийся иудейский законоучитель, современник Гилеля и его постоянный \*галахический оппонент. — *Ред.*